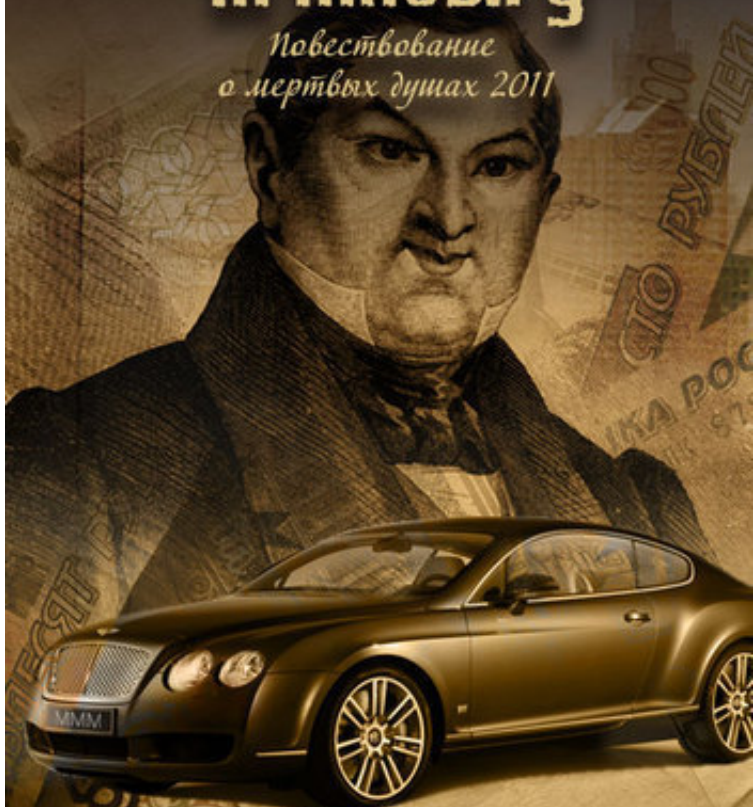

Эсфирь Коблер

ЧИЧИКОВ.РУ

Повествование
о мертвых душах 2011

Эсфирь Коблер Чичиков.ру

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2594865

Эсфирь Коблер. Чичиков.ру:

ISBN 978-1-4658-6259-4

Аннотация

«...Павел Иванович внимательно изучил карту города, чтобы посмотреть, как лучше добраться до мэрии, но поехал, как ни странно, окружным путем. По дороге он удовлетворенно отметил, что и ожидал увидеть: на боковых, «не главных» улицах асфальт был весь разбит, в ямах и колдобинах, фонари перекошены, а в иных и ламп-то не было, новые коттеджи за трехметровыми заборами соседствовали со старыми лачугами, и видно было, что у хозяев нет денег и крышу-то подлатать.

– Эх, матушка-Русь, – как-то привычно вздохнул Чичиков, и резко, с шиком притормозил у здания мэрии...»

Эсфирь Коблер ЧИЧИКОВ.РУ

повествование о мертвых душах

Речь – клевета. Молчание – ложь.

За пределами речи и молчания есть выход.

(Чаньское изречение.)

К гостинице класса люкс, пятизвездочной по местным меркам, – если, конечно, к таковому, классу люкс, можно отнести слегка обновленную и чуть отделанную гостиницу до-революционных еще времен в отдаленном, вполне захолустном городишке центральной России, – подкатил Бентли, вот уж, действительно, класса люкс. Из него вышел среднего роста господин, но с такой гордой посадкой головы, с такой степенной походкой, что швейцар тотчас определил его как птицу важную и с деньгами и кинулся вытаскивать багаж, согнувшись в три погибели, так что даже лица прибывшего постояльца не видел. Зато на машину загляделся: обтекаемая, с хорошей посадкой, темно-синяя снаружи и со светло-синей кожей внутри, в салоне, – неизбывная мечта швейцара, от одного вида которой у него сердце вздрогнуло и заныло.

– Черт! Не менее 11 лимонов стоит, – думал он о машине,

поднимая вещи вслед за постояльцем.

Постоялец же, назвавшийся Павлом Ивановичем Чичиковым сам по себе, кстати, был интересен. Среднего роста, с лицом невыразительным, но промытым и постоянно слегка улыбающимся, плотного телосложения, но не толстый, с глазами небольшими, но зыркающими по сторонам и остро все подмечающими. Чаевые дал приличные, как и полагается: не слишком много, но и не мало.

Оставшись один, Павел Иванович внимательно оглядел свое новое пристанище. Номер был двухкомнатный, с диванчиками, пуфиками, зеркалами, большим телевизором в первой комнате и большим холодильником в прихожей. Во второй комнате стояла не то чтобы огромная, но вполне приличная кровать и встроенные шкафы с зеркалами. Все было вполне, вполне для такого скромного городка. Особенно интересовала приезжего ванна и туалет, но и тут он был приятно удивлен наличием современной сантехники со всеми необходимыми прибабасами. Это настолько его обрадовало, что он немедленно разделся с дороги и встал под душ, омывающий его со всех сторон, компьютерное управление которого помогало постояльцу убажывать себя нежными струями.

Умывшись и переодевшись, Павел Иванович помолодел даже, и, спустившись в ресторан, выбрал себе место у окна, чтобы наблюдать за улицей, а также потребовал меню, которое, впрочем, оказалось в руках подлетевшего официанта, и

тотчас было передано Павлу Ивановичу.

В меню обозначались:

- Севрюга целиком на блюде
- Судак фаршированный крабами
- Утка, запеченная с яблоками
- Поросенок запеченный целиком

Далее шел список закусок всевозможных, вин из южных стран, разных сортов водочки, десерты и...

Внимательно прочитав меню, гость развеселился совсем. Сделал заказ «на штуку баксов», как шептались официанты, и, совсем уж довольный, стал посматривать за окно.

Площадь перед гостиницей выложена была брусчаткой, даже цветной. Она так и говорила приезжим : «знай наших, и мы , небось, Европа, не лыком шиты». Однако чуть поодаль, где заканчивалась брусчатка, и начинался асфальт, виделась картина, знакомая каждому россиянину с детства. Два мужика, расковыряв асфальт и вырыв огромную яму, неспешно курили, потому что надо было им заменить лопнувшие трубы, чтобы в окрестных домах появилась вода, но трубы все не везли и не везли, и мужикам делать было нечего. Оттого с таким интересом уставились они на дивный автомобиль.

– Ну, миллионщик, наверное, приехал, – почесал в затылке один.

– Да, наверное, – подтвердил второй. – Только что ему у нас делать?

– Да уж, наверное, есть свой интерес.

– Скажи, как думаешь, а по нашим дорогам, машина эта до Москвы или до Питера доедет?

– До Москвы или до Питера доедет. А вот до Хабаровска или Владивостока – нет. Деликатная больно.

– А как же Путин на Лада-Калина доехал?

– Дурак ты. Ведь сказано было. Ехали три машины. Как одна ломалась, он на другую пересаживался, а третью автопоездом везли.

– Тьфу! А разговору то на всю страну. Не-а... мне бы такую вот машину...

– Дурак ты и есть дурак. Тебе за всю жизнь на нее не заработать.

– Так хоть помечтать можно!

Павел Иванович примерно догадывался о смысле их разговора, и, улыбаясь, с удовольствием уплетал севрюгу, вполне прилично приготовленную. Запивал ее, севрюжку, белым вином, тоже вполне приличным. Потом судака, фаршированного крабами, попробовал, и остался весьма доволен обедом. Завершив трапезу хорошим кофе, Павел Иванович поднялся к себе в номер и прилег на кровать.

Конечно, он знал правило – после обеда погулять минут 40. Но сегодня он притомился, а дело предстояло сложное, и потому позволил он себе соснуть часочек. Если бы кто заглянул к нему в этот момент, то увидел бы умиленное лицо спящего человека, человека с чистой совестью, довольного

проделанной работой.

Ровно через час он встал, и, открыв большой шкаф, где была развешана его одежда, внимательно пригляделся к костюмам. Выбрал он очень корректный костюм цвета зеленого кофе, который сидел на нем как влитой, весь вид костюма, как и самого Павла Ивановича Чичикова, говорил как рекламный щит: «мы предлагаем нашим покупателям великолепную продукцию известных итальянских фирм TRUSSARDI и TRIMFORTI. У нас Вы всегда найдете широкий выбор мужских костюмов, пиджаков, брюк, сорочек и галстуков, выполненных с применением ручной работы, а также другие необходимые аксессуары». И аксессуары эти в виде галстуков, запонок, зажимов – все уже присутствовало на фигуре Павла Ивановича. Дополнялось это великолепие ботинками ручной работы из крокодиловой кожи, золотыми часами «Breguet» и сладчайшей улыбкой носителя упомянутого богатства.

Павел Иванович внимательно изучил карту города, чтобы посмотреть, как лучше добраться до мэрии, но поехал, как ни странно, окружным путем. По дороге он удовлетворенно отметил, что и ожидал увидеть: на боковых, «не главных» улицах асфальт был весь разбит, в ямах и колдобинах, фонари перекошены, а в иных и ламп-то не было, новые коттеджи за трехметровыми заборами соседствовали со старыми лачугами, и видно было, что у хозяев нет денег и крышу-то подлатать.

– Эх, матушка-Русь, – как-то привычно вздохнул Чичиков, и резко, с шиком притормозил у здания мэрии.

Махнув перед носом растерявшегося охранника какой-то красной корочкой, проскочил быстренько в приемную мэра, влетел в первую комнату с надписью «секретарь». Но вошел он туда, правда, степенно, приосанившись, и, вновь помахав, перед взором растерявшегося секретаря, парня лет 25, однако одетого, как и Чичиков, с иголки и лихо управлявшегося с компьютером, той же самой красной книжечкой, сказал мягко, но настойчиво:

– Мне, многоуважаемый, – он взглянул на бейджик, – э... Николай Владиславович, – просто необходимо сейчас с мэром переговорить.

– Извините, – очнувшись, твердо ответил вышколенный секретарь, – Петр Алексеевич в данный момент занят. Запишитесь в порядке очереди на прием.

– Видите ли, я очень занят, – сделав сокрушенное лицо, ответил Чичиков, – но Вы не беспокойтесь. Вы скажите начальству, что приехал Павел Иванович Чичиков из Москвы с деловым предложением. – И Павел Иванович так внимательно и внушительно посмотрел на секретаря, что тот, сам не зная как, вдруг испарился и оказался у стола градоначальника.

– Простите, Петр Алексеевич, – чуть прошептал Молчалин, никогда без вызова или без предупреждения раньше в кабинет не входивший, – простите, но там какой-то господин

из Москвы, утверждает, что с деловым предложением... из Москвы... и настойчиво просит о встрече. Простите, что я взял на себя смелость...

– Да уж, Молчалин, осмелел ты. Что за птица? – и мэр поднял глаза на своего секретаря.

Был он человеком спортивным, подтянутым, о здоровье заботился. Вот и сейчас только вышел из тайной комнатки, где у него тренажеры стояли. Оттого был вполне благодушен.

– Как выглядит?

– Вполне прилично, как должно, да машина... , – и он кивнул в сторону окна.

– Да?... ну что ж, проси. Кто их знает, этих столичных деятелей.

Молчалин тут же испарился. И, как по мановению волшебной палочки, на том же самом месте появился Павел Иванович Чичиков, во всем блеске и красе. Он внимательно посмотрел на градоначальника и встретил такой же внимательный взгляд.

Петр Алексеевич – роста выше среднего, лысоват, грубоват, одет хорошо, пожалуй, что и моднее, и дороже Чичикова, но взгляд имел резкий, глазами так и буравил вошедшего.

– Рад познакомиться, – ничуть не смутившись под начальственным взглядом, почти пропел Павел Иванович, – очень рад.

А сам еще внимательнее присмотрелся к начальственному лицу.

– Нет, – подумал Чичиков, – на электронные торги его не раскрутишь, – старой формации господин.

– Здравствуйте. Чему обязан? – сухо спросил Жмуровский, уловив изучающий взгляд. – Присаживайтесь. Я слушаю Вас.

– Что ж, люблю, когда вот так, прямо к делу.

– К делу, к делу.

Петр Алексеевич не любил никаких дел. Ему все хотелось, чтобы подчиненные сами догадывались, какие нынче дела. По большей части так и случалось. Градоначальник предпочитал разводить пчел и большую часть времени пропадал на пасеке. С Москвы, так сказать, пример брал.

– К делу, так к делу. Ну, вот так прямо не получится.

– Это отчего же?

– Предложение у меня не хитрое, но очень прибыльное. Однако все зависит от того, с какими людьми я дело иметь буду. Мне бы с высшим, так сказать, самым высшим светом в вашем городе познакомиться надо. Тогда и дело изложу.

Петр Алексеевич внимательно и насмешливо осмотрел незнакомца: сдурел что ли, так с ним разговаривать, или что-то там, в столицах новенькое напридумали? Еще раз осмыслил услышанное. А вслух сказал.

– Ну что ж, хорошо. Сегодня у меня, знаете ли, как раз небольшой прием. Для своих только. Вы подъезжайте часам к восьми, я вас и представлю.

На том и распрощались.

– Что еще за штука столичная, – недоумевал градоначальник, – что ему от нас надо?

Тотчас вызвал он Молчалина к себе.

– Узнай, пожалуйста, какой черт его принес. Кто таков, зачем пожаловал?

– Справочку изволите?

– Справочку, справочку!

Через полчаса лежала на столе у Петра Алексеевича справочка, где было изложено все, что только известно о Павле Ивановиче Чичикове. А известно было немного.

Павел Иванович служил на таможне в Москве. Уволился, правда, по собственному желанию, но тогда, когда начались на таможне проверки и посадки. Он сам ни в чем уличен не был, но осталась пара крупных нераскрытых дел. Одно – когда огромная партия итальянской мебели была записана как наша, российская, из Тмутаракани пришедшая. Разница в оплате исчислялась сотнями тысяч долларов, но организаторов аферы так и не нашли, хотя должно было их иметься не меньше десятка, чтобы такое проверить.

Вторая – это когда состав с черной, уже в банки расфасованной черной икрой загнали на запасной путь, списали как испортившуюся и быстренько развезли по Московским магазинам. За границу она так и не попала. Отправители понесли колоссальные убытки и разорились, кто-то на этой афере погрел руки, хорошо погрел. Списали все на начальника таможни (кто ж еще такое мог проверить!) и, хотя он клялся,

что ни сном, ни духом, припаяли ему десяток лет колонии, которые он и отбывал в настоящее время.

Павел Иванович же ни в чем замечен не был, но существовал как бы в небытии. Дома не имел, зарегистрирован был в глухой подмосковной деревне, женой и детьми не обременен. Носится по свету, как перекасти поле.

– Занесла же его нелегкая к нам, – подумал мэр и велел Молчалину внимательно за Чичиковым наблюдать.

– Ты, Николашка, с него глаз не спускай!

– Как скажете, Петр Алексеевич. Все понятно. – И Молчалин испарился, оставив мэра в глубокой задумчивости.

К восьми часам начали съезжаться гости. Минут через пятнадцать, выдержав паузу хорошего тона, появился и Чичиков, которого Петр Алексеевич представлял так:

– Павел Иванович Чичиков, наш гость из Москвы, – говорил он, – и смотрел многозначительно на своих подчиненных. А те уж смекали, как вести себя с московским гостем.

Народ постепенно собирался в небольшом зале. На мужчинах прекрасно сидели новые, с иголки, костюмы, дамы... О, дамы блистали парижскими туалетами, золотом, бриллиантами, которыми были усыпаны чуть ли ни с ног до головы, так что в глазах рябило от сверкания и блеска.

Первым подскочил к Павлу Ивановичу Молчалин, крепко подхватил под руку и повел с гостями знакомить.

– Господин Манилов – начальник департамента образования и культуры (приятнейший человек лет сорока, совер-

шенно современный – вежливый и умный взяточник со стажем, с манерами сладкими и, можно сказать, изысканными). Он сразу сказал:

– Очень, очень рад знакомству. Приезжайте в гости. Мы тут все скученно живем в одном поселочке, за городом. Будем рады, – и сладко улыбнулся, не улыбнуться в ответ было невозможно. Только отойдя от него, отчего-то захотелось Чичикову руки вымыть, будто в патоке завяз.

Затем сам представился начальник дорожного департамента господин Собакевич. Руку так пожал Павлу Ивановичу, что тот чуть не вскрикнул от боли.

Человек неопределенной профессии, господин Ноздрев, повел его сразу в покер перекинуться, еле отбоярился Чичиков, проиграв немного денег.

Но вот каким-то отдаленным видением промелькнула дочь градоначальника. Стройная, с нежным округлым личиком и огромными синими глазами (чисто ангел – умиленно подумал Чичиков), одетая с той изысканной простотой, которая и была на самом деле диктатом настоящей европейской моды: длинная вишневая юбка и короткая белая кофта подчеркивали прекрасную фигуру. Все того высшего качества, что знающий человек только порадоваться мог и этой дивной фигуре, и наряду, ее облежавшему. Одно золотое колечко с небольшим бриллиантом увидел Чичиков, поцеловав протянутую ручку. Больше никакие украшения не сверкали на ней, не выделялась она, как елка на новый год. И

запах духов был тонкий, но дурманящий, и испарилась она тотчас, как познакомилась с Чичиковым. Тот так и остался стоять, глядя ей вслед.

– Это Наталья моя, – пробасил над ухом Петр Алексеевич. Она в Кембридже учится. Манеры какие-то западные усвоила, не обращайтесь на нее внимание.

Чичиков и рад был бы не обращать, да какой-то занозой засела она у него в голове.

Вечеринка «для своих» больше походила на небольшой венский бал в провинциальном варианте.

Для начала под музыку «Сказки венского леса» танцевали вальс примы балетные из местного оперного театра, потом из той же оперы пел неплохой баритон, а когда маховик вечера завертелся, артисты разбрелись по залу, то там, то тут подхватывая танцоров и одиноких невест.

Вообще, местный градоначальник отличался любовью к искусству, а, вернее, к искусницам. Но все же оперный театр отремонтировал, давал артистам подработать на своих «вечеринках». Иногда, правда, заносило его не в ту сторону; однако, если ухаживания не нравились очередной фаворитке, были слишком настойчивы, его быстро можно было укротить с помощью Марьи Васильевны, жены мэра, которая ни то, что его самого, а весь город в руках держала. Петр Алексеевич никогда ей не возражал.

Хуже приходилось драматическому театру. Правда, не так, как вначале 90-х, когда хаос был невообразимый, и арти-

сты сидели с шапкой на пороге театра под плакатом «Подайте на ремонт здания». Теперь и крышу залатали, и какие-то крохи платили регулярно, но, в основном, зарабатывали на гастролях, которые мэр помогал устраивать.

Еще Павел Иванович присматривался к батюшке, настоятелю Собора Святой Троицы. Вел он себя как хозяин, все подходило, любезничали, просили благословить. Подошел и Павел Иванович. Просил также позволить навестить батюшку, так как в городе проездом, а хотелось бы побеседовать. На то были у Чичикова свои виды. Отец Амвросий разрешил и даже час назначил.

Ехал к себе в гостиницу Павел Иванович в весьма хорошем настроении. Даже напевал что-то. Так как приехал он в третьем часу ночи, то на следующий день спал до полудня. А затем, отобедав и приведя себя в надлежащий вид, стал наносить визиты. Так ездил он целую неделю, расспрашивая, прислушиваясь и принимаясь.

Первым делом навестил он начальника городской полиции. Можно сказать, для его, Чичикова, целей, самое главное после мэра лицо. С Николаем Николаевичем, так главного полицейского звали, отобедали они в уютном ресторане. Угощал, конечно же, Чичиков. И недаром. Так узнал он, что полиция и мэрия соседствуют в городе, и живут душа в душу, все правильно понимая.

– Наш лозунг – живи сам и жить давай другим, – весело стрекотал Николай Николаевич, – если, конечно, нам с Пет-

ром Алексеевичем нужно, чтобы ты жил, – захохотал он.

– Очень верно. – Заметил Чичиков. – Кто не понимает, кому платить надо, тот, собственно, в бизнесе и не живет.

– Тертый калач, – подумал полицейский начальник. А вслух добавил – У нас все тихо, никакого криминала, я тут сам смотрящий, – проговорился он.

– Вот и славненько. Я дельце одно задумал, в пользу, так сказать, отцов города, надеюсь, вы не откажитесь. Но не спрашивайте сейчас. Пока секрет. Как все улажу, так и скажу.

Чичиков увидел, как шея главного законоблустителя напряглась и покраснела. А, надо сказать, что был он худ и вертляв, и такое выражение его телосложения говорило о крайней степени волнения.

– Все будет хорошо, даже весьма отлично, – поспешил Чичиков успокоить Николая Николаевича.

Посещал Чичиков и начальника почты, который славился тем, что ни одна посылка в город не доходит и из города не исходит без досмотра, так как оказывалось, что часто вещи, куда-то там посылаемые нужны и ему самому и его подчиненным.

Затем Павел Иванович побывал и у батюшки. За обедом был приятно удивлен рассказом о том, что отец Амвросий устроил при церкви приют для детей из бедных семей, где родители пьют или вовсе детей бросили, еще небольшой дом престарелых, и столовую для совсем уж нищих.

– Из каких таких денег, нельзя ли узнать, батюшка?

– Отчего же? Можно. Я наших воров трясу. С них не убудет, а бедным подмога.

– Это как же вы добиваетесь такого результата, батюшка?

– А это уж мой секрет, у всякого свой ключик есть.

– Ну что ж, будет вам еще на бедность, – задумчиво проговорил Чичиков, решив, тысяч 50 рублей в конце дела на церковь пожертвовать. Ведь за ним грехов много тянулось.

Чичиков все более был доволен, что выбрал именно город N, хотя мог выбрать и любой другой. Все здесь, даже грехи и разбой, были какими-то патриархальными, под отеческим крылом мэра и полиции, процветающими, ничем на фоне всей России не выдающимися, но даже как-то и стыдливость имеющими, и желание замолить содеянное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.